

Рахманинова Мария Дмитриевна

ЭЛИТАРНОЕ И МАССОВОЕ: ГРАНИЦЫ И ПРОБЛЕМЫ

В настоящей статье рассматривается проблематика нравственной оценки элитарными и квазиэлитарными группами мышления и стиля жизни массового общества и человека массы. Анализ данного дискурса осуществляется в рамках критики феномена господства, многообразно проявляющего себя в невербальных или не полностью вербальных формах социальной коммуникации и социальной рефлексии, а также в рамках критики новых форм репрессивности, обнаруживающих себя во множестве сфер современного российского общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 163-166. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**ECONOMIC ASCETICISM RELIGIOUS-MORAL
PRINCIPLES DIFFERENTIATION PROBLEM IN PROTESTANTISM**

Aleksandr Sergeevich Razin, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Aleksei Vyacheslavovich Belov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy, History and Political Science
Volgograd State Agrarian University
razin-1978@yandex.ru; alexeybelov@bk.ru

The authors consider economic activity principles inherent in one of Christian confessions – Protestantism, and substantiate that the view is confirmed in “post-Weber” tradition that Protestant doctrines and ethical principles greatly contributed to capitalist spirit formation - rationality, enterprise, and striving for success.

Key words and phrases: Christianity; Protestantism; Calvinism; Old Belief; economic development; economic-labour activity; predetermination to salvation; asceticism; making ethical by religion; calling; self-righteousness; precisionalization (tendency to greater precision adherence); etherification.

УДК 17.022.2

В настоящей статье рассматривается проблематика нравственной оценки элитарными и квазиэлитарными группами мышления и стиля жизни массового общества и человека массы. Анализ данного дискурса осуществляется в рамках критики феномена господства, многообразно проявляющего себя в невербальных или не полностью вербальных формах социальной коммуникации и социальной рефлексии, а также в рамках критики новых форм репрессивности, обнаруживающих себя во множестве сфер современного российского общества.

Ключевые слова и фразы: элитарное; массовое; интеллигенция; пассионарность; «быдло».

Мария Дмитриевна Рахманинова, к. филос. н.
Кафедра философии
Санкт-Петербургский государственный горный университет
Nordseeinsel@yandex.ru

ЭЛИТАРНОЕ И МАССОВОЕ: ГРАНИЦЫ И ПРОБЛЕМЫ[©]

С некоторых пор и по сей день в повседневном обиходе носителя русского языка часто встречается экспрессивное и почти ненормативное слово – слово «быдло». Между тем вопрос о том, что за ним стоит, отнюдь не из простых, хотя на первый взгляд всё кажется понятным и очевидным. Известно, что это слово происходит от польского «bydło» («скот») и что помещики-крепостники при помощи этого слова презрительно обозначали крестьянские массы как стадо – тупое и бессловесное, требующее контроля и опеки. Чем закончилось такое отношение к крестьянам, показали многие исторические события, в том числе русская революция, породившая в современности много парадоксального заунывного и патетического плача о загубленной интеллигенции и прочих прелестях духа человеческого.

С момента исчезновения непосредственного классового разделения, когда инструментарий внешнего самопозиционирования личности сильно оскудел, быдлом *de jure* стало называть по большому счёту некоего. Однако слово существовать не перестало, но, наоборот, очень скоро расцвело весьма пышным и крайне многообразным цветом в устах многих, очень многих граждан. И чем дальше от «совдепа», чем дальше вглубь краугольного-изобильных, либерально-демократических чащ, тем всё большее число людей находит в себе разнообразнейшие основания к вере в «быдло».

Так, согласно одному из наиболее популярных прочтений этого слова, быдло – это бедные или недостаточно богатые. Например, для жителей Рублёвского шоссе быдлом являются обитатели спальных районов. Владельцы престижных иномарок считают быдлом всех покупателей отечественных автомобилей. Для любителей элитных развлечений и удовольствий быдло – все те, кто не искущён в них. И так далее. Общим же для всех этих прочтений, пожалуй, является то, что в каждом из них быдло – это некий в высшей степени условный ярлык, некое означающее, прикрепляемое к явлению, которому хочется себя противопоставить и тем самым самоутвердиться в полноте и целостности, значимости своего бытия.

Однако перечисленными контекстами употребление слова «быдло», разумеется, не исчерпывается.

Так, в постперестроечную эпоху вновь начал становиться модным образ интеллигенции-аристократии. Чем это вызвано – понять нетрудно, если проследить историческую логику всплеск осознания «феномена» быдла: чем больше социальная иерархия, чем выше степень атомизированности общества, тем больше «неправых» (не-правых?), «маргинальных» и, с другой стороны, тех, кто «идёт» за истину / правое дело / правду / прогресс / светлое будущее / другое (нужное подчеркнуть, ненужное вычеркнуть). Чем сильнее закручиваются

гайки тоталитарной идеей массового (неважно, идёт ли речь о принудительной коллективизации или о принудительном потреблении массовой культуры), тем яростнее градус идеи элитарного на противоположном конце. Трудность в том, что идея элитарного не склонна к рефлексии, а потому она всегда оказывается не в состоянии увидеть свою вторичность, то есть обусловленность, «вызванность» идеей массового, наподобие того, как симптом вызван вирусом, диагностируемым как раз по симптому.

В данном случае симптом элитарного указывает либо на процесс тоталитарной массовизации (например, элитарное как аффектная реакция на поп-культуру), либо на укрепление правых настроений в государстве, когда слишком силён дискурс онтологической легитимности или девиантности индивида или группы индивидов.

Если говорить о современной России, то, похоже, мы имеем дело с обеими тенденциями. Однако совершенно очевидно, что носителям идеи элитарного не хватает последовательности: если их интеллектуальное и нравственное отличие от быдла столь велико, как они об этом сообщают, то им должно было бы хватить рефлексии для понимания аффективной природы такой реакции и благородства (ведь именно им они так гордятся) для преодоления этой природы. Наподобие того, как любой деструктивный или, по крайней мере, влиятельный аффект согласно неписаному этическому порядку социальной коммуникации должен, будучи осознанным и изловленным, преодолеваться (как принято полагать со времён Фрейда) [1].

Напротив, сомнение идеи элитарного приводит её к мысли о себе как о чём-то безусловном, существующем самостоятельно и исторически, буквально-таки априорно, что, естественно, способствует ещё большему разобщению людей и ещё большему туману в сознании носителей «светлых идей», а также их ещё большей опьянённости собой – своей великой ролью и вселенскими задачами, так или иначе связанными со спасением человечества (или лучших его представителей – у кого насколько далеко зашёл этот процесс).

Так, если даже просто допустить существование некоей онтологической природы быдла, то есть предположить, что быдло существует, например, в силу непреодолимых исторических законов природы, общества или ещё чего-нибудь настолько же непоколебимого, это значит расписаться в веру в то, что одни рождаются быдлом и массой, а другие – носителями света. Очевидно, что такого рода идеи в XXI веке выглядят как минимум неприлично, а их носители, скорее всего, либо плохо знают историю, либо мало размышляли над природой этого знания.

Наиболее толерантные из них, однако, заявляют, что дело тут не в онтологии (и что можно допустить, будто рождаются все более-менее равными), но именно в бездуховности быдла, которую оно, дескать, само выбирает, то есть в предпочтении быдлом развлечений и комфорта всему остальному – высокодуховному и глубоконравственному.

Нечто подобное пытается доказать нам Ортега-и-Гассет в своём знаменитом «Восстании масс» [3]. Горячо и подробно объясняя, как именно плохие и глупые массы неправы в том, что, будучи некомпетентными, они «во всё лезут и всегда с насилием» [Там же, с. 65], что они неумеренны в потреблении, Ортега-и-Гассет как-то упускает из внимания самое главное, а именно: всё то, что именно послужило причиной отсутствия у них «вкуса», того, что они некомпетентны и что некогда благая идея демократии привела к диктату поп-культуры, причиной того, что они с упоением потребляют, не нуждаясь в сложном и утончённом, и так далее.

Видеть, что это всё обстоит именно так, нетрудно. Труднее видеть то, почему это так. А всего труднее – искренне чувствовать как глобальную проблему то, что вообще есть «массы» («быдло»). Однако такое видение уже повлекло бы за собой некую ответственность, которая между тем омрачила бы радужное самовосприятие интеллигента. И потому последний редко к нему обращается.

Иными словами, дискурс о том, что быдло – это собственный выбор личности, очень напоминает христианскую идею о свободе выбора человека между злом и добром (где за добро его обещают наградить, а за зло – покарать – такая уж свобода). Впрочем, сторонники этого дискурса не учитывают, что для того, чтобы личность делала выбор, она должна вырасти из более простой, предшествующей личности – формы внутренней организации человека. То есть перейти из незрелого состояния – в зрелое. А для этого условия у всех людей как минимум очень разные.

Так, в среднестатистическом российском провинциальном городе неравной по сравнению с мегаполисами будет не только финансово-экономическая ситуация индивида и его возможностей. Главным образом, различаться будут системы норм и ценностей, доминирующие эпистемы, психологический климат коммуникации, экзистенциальный бекграунд индивидов и многое другое [2, с. 328-330].

Кроме того, в условиях постиндустриального (или, по крайней мере, информационного) мира даже житель щедрого в смысле возможностей стать личностью мегаполиса не может быть до конца уверен, что именно он в данный момент делает выбор между «красной и синей таблетками». Например, за него это может сделать его воспитание, и тогда в этом «выборе» его роль будет состоять только в способствовании сохранению инерции без особого личного вмешательства, и в этом смысле она будет проста и пассивна.

Также его поведение зачастую может определяться внешними ему системами императивов, такими как СМИ, авторитетные органы внушения истин (религия, политика, общественное мнение) и так далее. Все эти вещи давно изучены и очевидны, и потому не станем останавливаться на них подробно.

Ясно между тем, что, даже не предполагая в быдле никакой заведомой предопределённости, мы всё равно мыслим себя элитарно, уже попросту употребляя это слово (и его антонимы). И дело не в том, что это неполиткорректно, нетолерантно и неплюралистично, как выражаются ярые либералы. Дело в том, что, веря в злонамеренность быдла в выборе своего пути, мы, во-первых, утверждаем, что у него были все условия для того, чтобы действительно из чего-то выбирать. А во-вторых, снимаем с себя всякую ответственность за те

условия, которые сделали возможным самое его появление и которые продолжают делать это возможным. Иными словами, так мы отказываемся видеть за явлением его предпосылки, что весьма нелестно характеризует именно нас, а не его. Очевидно, что причисление себя к интеллигенции налагает своего рода обязанность соответствовать этому термину, который, между прочим, предполагает разнообразные броские проявления пассионарности. Однако если такой человек по-прежнему ничего не делает для того, чтобы изменились те условия, в которых становится возможным появление того, что он впоследствии назовет словом «быдло», то его основания выделять себя из одного начинают вовсе выглядеть крайне сомнительно. Наподобие того, как сомнительно в глазах других обществ будет выглядеть общество, претендующее на то, чтобы называться прогрессивным и современным, но при этом, к примеру, славящееся различного рода дискриминацией (расизмом, сексизмом, национализмом, экологической невежественностью и проч.), нищетой, высокой смертностью или просто являющееся передовым лишь исключительным меньшинством своих членов.

Здесь сторонник интеллигенции, конечно же, возразит, что против огромной и ужасной «серой массы» малочисленные, по сравнению с ней, носители истины ничего не могут сделать и потому обречены страдать, уединённо томясь в своей угнетённой правде. Однако здесь возникает другая проблема.

Если он придерживается центристских взглядов, то есть разделяет господствующие позиции государственной власти и системы в целом (с её императивным аппаратом политики, церкви и общественного мнения), то он, в сущности, не против быдла, а как будто бы даже и за то, чтобы оно было, ведь так намного легче чувствовать и глубинно переживать свою избранность, особенно если она в силу так или иначе благоприятных обстоятельств не слишком-то тяжело ему далась.

Если же он не разделяет взгляды системы и видит в её лице противника, деструктивное и корыстное начало, враждебный аппарат, то он, естественно, должен ненавидеть следы её вредоносности, разрушения, насилия, увечий в некогда дорогом, значимом и подлинно живом. И, ненавидя всё это, осознавать само обстоятельство появления того, что он называет быдлом, как главнейший из результатов её действия. Он должен осознавать это обстоятельство наподобие того, как осознают поруганность чего-то дорогого и важного – до неузнаваемости. И при этом желать это спасти и бескорыстно отдавать ради этого все силы. Анонимно. В данном случае под «дорогим, важным и живым» можно понимать, к примеру, людей, образующих общество, – всех тех, у кого не хватило предпосылок, оснований и обстоятельств отразить спущенную сверху эпидемию. Ведь если они её не отразили, значит, всего этого не хватило. Существенно в данном случае именно это.

Таким образом, выходит, что сторонник идеи элитарного напрасно старается выглядеть последовательным и одновременно невиновным: либо он последователен и виновен (как в первом случае), либо он невиновен, но и непоследователен, то есть противоречит сам себе в погоне за двумя зайцами.

Иными словами, либо он всё-таки верит в онтологический статус быдла и не-быдла, и тогда его интеллигентность становится крайне сомнительной и лицемерной, потому что, как говорилось выше, такая позиция даже в странах с правым правительством выглядит сегодня несколько неприлично, либо он действительно не верит в предопределённость быдла и интеллигенции, но почему-то всё равно скромничает бороться с запущенными иерархическим принципом процессами (то есть напрямую с агрессором, а не с теми, кто от него уже в той или иной мере пострадал).

Иными словами, он упорно не хочет видеть за процессом его причин и предпосылок, и в этом смысле он опять же лицемерит, причисляя себя к сильным и пассионарным. Ведь в чём же ещё состоит задача последних как не в том, чтобы, никак себя не именуя, делать всё для того, чтобы препятствовать императивам искусственно конструируемой энтропии, защищая от них всё, что достойно защиты? Не в осознании ли необходимости того, чтобы из проницательности следовало что-то более существенное для практики, нежели умозаключение, состоит свойство тех, кто уже выбрал «красную таблетку»?

В данном случае, однако, отнюдь не имеется в виду то, что в Индии называют путём Бодхисаттвы, и уж тем более не имеется в виду сократический или какой-либо иной похожий способ преобразования мира. Всё это чревато, пожалуй, ещё большей поглощённостью идеей отличия и элитарности.

Речь, прежде всего, идёт о том, что всякий обнаруживший такие свойства окружающего мира, которые по тем или иным причинам не очевидны для других, в действительности может выбрать лишь одно из двух: либо воспевать себя как нашедшего и презирать всех тех, кто таким не стал и, скорее всего, не станет; либо обнаружить в найденном нечто, способное иметь конструктивный потенциал для всего окружающего мира, чем и следовало бы измерять его действительную ценность.

И в этом смысле как устное, так и мысленное – на уровне оценочной категории – употребление слова «быдло» (равно как и слова «интеллигенция») представляется нам не чем иным, как бессознательным признанием в страхе потерять собственную значимость (на деле фиктивную и видимую лишь на худшем фоне) и в собственной декоративной бесплодности, не способной выйти за рамки самосозерцания, апофатического самоутверждения и презрения.

Список литературы

1. **Лакан Ж.** Семинары. М.: Гнозис; Логос, 1998. Кн. 1. Работы Фрейда по технике психоанализа: 1953-1954.
2. **Маркс К.** Экономическо-философские рукописи 1844 г. М.: Академический проект, 2010.
3. **Ортега-и-Гассет Х.** Восстание масс. М.: АСТ, 2003.

ELITE AND MASS: LIMITS AND PROBLEMS

Mariya Dmitrievna Rakhmaninova, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
St. Petersburg State Mining University
Nordseeinsel@yandex.ru

The author considers the problematic of elite and quasi-elite groups' moral evaluation of thinking and lifestyle of mass society and a man of mass, and conducts the analysis of this discourse within the framework of the criticism of dominance phenomenon, which manifests itself in diverse ways of non-verbal or incompletely verbal forms of social communication and social reflection, and also within the framework of repression new forms that are revealed in many spheres of modern Russian society

Key words and phrases: elite; mass; intelligentsia; passionarity; lowbrow.

УДК 323.396

В статье раскрывается содержание понятий «элита», «этнополитическая элита», анализируются этнополитическая ситуация на Северном Кавказе и проблемы этнизации, рассмотрены конфликтогенные факторы в межнациональных отношениях. Описаны причины и последствия российско-чеченского конфликта, исследуется роль элит в возникновении и разрешении этого конфликта. Выработаны рекомендации, направленные на профилактику региональных конфликтов, в основном социально-экономического характера.

Ключевые слова и фразы: этнополитическая элита; межнациональные отношения; конфликты; политические конфликты; поликультурность; полиэтничность; социально-экономические проблемы.

Али Русланович Салгириев
Кафедра теории и истории социальной работы
Чеченский государственный университет
010585@list.ru

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ КАК ФАКТОР КОНФЛИКТОГЕННОСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ[©]**

После распада СССР, начала «парада суверенитетов», на волне экономических трудностей и политических просчетов руководства страны в постсоветском обществе стремительно возникали и стали развиваться трения и конфликты на разных уровнях и в разных регионах бывшего СССР. На фоне усиления тенденции к национальному самоопределению, подъема национального самосознания проявились центробежные, сепаратистские устремления этнополитических сил, ставящих свои амбиции выше жизненных интересов народов.

В этой связи актуализировалась задача комплексного анализа причин и факторов, способствующих этнополитической напряженности на Северном Кавказе, выявления роли в конфликтах этнополитической элиты как главного актора. Возникновение межнациональных конфликтов, социальной напряженности в регионе, экстремистские и сепаратистские проявления в деятельности элит детерминировали необходимость выработки и реализации ряда мер, направленных на профилактику конфликтов, решение социально-экономических проблем и стабилизацию общественно-политической ситуации в регионе в целом.

Категория «элита» в социальных науках не имеет единого и однозначного определения. В российской элитологии эта категория является предметом острых дискуссий, в том числе политических [7, с. 188]. В самом общем виде элита – социологическое понятие, обозначающее высшие привилегированные слои в обществе, осуществляющие функции управления, развития экономики, социальной сферы.

Этнополитическую элиту следует понимать как привилегированную, политически господствующую группу лиц, занимающих руководящие позиции в общественных институтах и непосредственно влияющих на принятие властных решений в обществе. Составляя меньшинство в обществе, она располагает значительными ресурсами власти, влияния и финансирования, способными транслировать её собственный выбор за зависимым от нее рядовым гражданам [Там же].

Исследование этнополитических элит в России, особенно на региональном уровне, вызвано обострением социально-экономических проблем, политической нестабильностью, усилением конфликтности [1, с. 29-34; 2, с. 44-46; 3, с. 135-137; 4, с. 39-40; 8, с. 177-180; 9, с. 181-184; 10, с. 69-70].

На Северном Кавказе формируется новое понимание национального самосознания, происходит трансформация национальной идентичности. Это также проявилось и в распространении националистических настроений, межнациональных конфликтов, усилении этнократии, декларированности многих принципов национальной политики и их игнорирования на практике. Попытка решить накопившиеся в течение длительного времени национальные проблемы разом, радикальными мерами, привела не столько к разрешению старых, сколько к возникновению новых, которые придали еще большую остроту национальному вопросу.